

Худайберди Тухтабаев

Оседлав желтого джина

Книга I. Волшебная шапка

Худайберди Тухтабаев
Оседлав желтого джина

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Тухтабаев Х.

Оседлав желтого джина / Х. Тухтабаев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Жил-был на свете мальчик по имени Хашим. Не желал он учиться, помогать матери по хозяйству. Однажды в руки этого лентяя попала сказочная волшебная шапка, которая могла исполнить любое желание хозяина. Преисполненный уверенности в том, что с помощью чудесной шапки он совершит множество героических поступков, Хашимджан отправляется странствовать по свету. И каких только испытаний, каких приключений ни произошло с ним, пока он наконец понял, что без труда, без знаний человек ничего не добьётся. Обложка оформлена Маткаримовым М.

Содержание

Странствия бедного двоечника: Тяжёлый день перед чудом	5
Чудеса начинаются	10
Улыбнулось было счастье	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Странствия бедного двоечника: Тяжёлый день перед чудом

Зовут меня Хашимом. Если хотите обращаться ко мне ласково и почтительно, можете называть Хашимджаном, я не против.

Итак, Хашимджан Кузыев – сын знатного механизатора Кузыбая. Папа мой сейчас работает в Мирзачуле, целину поднимает. Домой приезжает редко, зато всегда привозит много подарков. Лучшие, конечно, достаются мне.

Мама у меня тоже знатная. Она доярка на ферме, что в трёхстах шагах от нашего дома. У неё там двадцать четыре коровы. И все рекордсменки. А за то, что они стали рекордсменками, мама медаль получила. Хорошую такую медаль, блестящую. Я приколот её к рубашке и сходил на базар за луком и морковью. Все мальчишки завидовали, толпой шли за мной. Всё просили дать потрогать. И в школу с медалью отправился. Но об этом я очень пожалел. Не прошло и двух уроков, директор вызвал меня к себе и давай стыдить:

– Ты зачем носишь чужую медаль, Хашим Кузыев? Сними сейчас же. Это награда за доблестный труд, её надо самому заработать!

Так и сказал: «чужую медаль». Будто родная мама чужая мне.

Сестрёнка моя, Айшахон, учится в четвёртом классе. Она у нас умница, И старательная девочка. Моет посуду, помогает маме постирать, подмести двор. И поэтому, наверно, мама всегда говорит: «Ах, умница, ах, ненаглядная!» Я тоже люблю Айшахон. Ведь она здорово выручает меня этим... своим трудолюбием.

Младшую сестрёнку зовут Донохон. В этом году она пошла в первый класс. Мама уверена, что она станет доктором. Я думаю, мама ошибается. Потому что Донохон трусиха. Уколов боится. И таблеток тоже. Заметила однажды в коридоре школьную буфетчицу в белом халате, подумала, что это врач, выскочила в окно и убежала! А так вообще и она ничего девчонка.

О себе скажу немного: не люблю хвастаться. Учусь в шестом классе, иногда получаю пятёрки, иногда – двойки, смотря как повезёт. А мальчик я способный и умный. Не мозолю старшим глаза, не гоняю собак целыми днями на улице, как другие. Приду из школы, перекушу и айда на пустырь в футбол играть. Пусть сколько угодно кличут – не найдут. Но если всё-таки застанут врасплох и дадут работу, тут уж сумею выкрутиться. А я это умею.

– Хашим! – бывает, зовёт мама.

– Да, мамочка? – с готовностью отзываюсь я.

– Заберись-ка на крышу и сбрось немного дров.

На плоской крыше нашего дома сложены дрова.

– Сейчас, мамочка!

Не спеша достаю лестницу, приставляю к крыше, а потом кричу:

– Айша! Эй, Айшахон!

– Да, брат? – подбегает она ко мне.

– Заберись-ка на крышу и сбрось немного дров. Да побыстрее, – командую небрежно.

– Сейчас, – с готовностью отвечает сестрица. Она ведь умная, понимает, что брату не понравится, если ему откажут. Старается всегда быть вежливой и сделать всё, что прикажет брат, то есть я. Иногда, конечно, заупрямится. Не без того. Тогда я её воспитываю. Втолковываю, что я старший брат, а младшие должны слушаться старших. Кулаков в ход не пускаю, даю только слабенькие щелчки, а случается, и тумака влеплю. И сестрёнка тотчас берётся за работу. И я тогда её похваляю:

– Молодец, Айшахон, умница моя ненаглядная! Никогда не забывай, что мы должны помогать маме. У неё и так много забот.

Говорю, а сам похлопываю прутиком по голенищу сапога, как это делает дядя Сираджиддин. Он у нас в колхозе зав-фермой. На работу приходит очень рано. Придя, сразу собирает людей, именно так похлопывает прутиком по голенищу сапога и отдаёт распоряжения:

– Ты, Халмухаммед, вывезешь навоз. Ты, Карим, сдай молоко в приёмный пункт.

А ты, Эшмат Сагдуллаев, выгони коров на пастбище.

Халмухаммед прикладывает руку к сердцу и кидается к навозной куче. Карим-ака поспешно грузит бидоны с молоком на автоприцеп. Эшмат нетерпеливо размахивает бичом, а дядя Сираджиддин отправляется куда захочет.

Вот на какую работу я пойду, когда вырасту большим. Ты гуляешь, а другие работают. Не жизнь, а мечта! На меня пока что работают только двое: Айшахон и Ариф. Небольшая, конечно, бригада – не похвалишься!

Да, чуть не забыл. Ариф – это мой друг. Мы с ним в одном классе учимся, за одной партой сидим. Сам он маленького росточка, но голова у него не меньше десятиведёрного самовара. И, похоже, самовар этот до краёв наполнен умом. Задачки Ариф решает, будто орехи щёлкает.

Но и я не лыком шит. Он решает, а я списываю. За какие-то пять минут успеваю всё переписать.

Вот как это бывает: за два часа до школы (мы учимся во вторую смену) выхожу на улицу и зову Арифа.

– Чего тебе? – угрюмо отзывается он.

– Идём ко мне уроки делать! – кричу я изо всей мочи. Стараюсь, чтобы мама меня услышала. Ариф отказывается.

– Я дом караулю, – отвечает он. – Сам иди, если нужно. Хватаю портфель и бегу к Ариффу. Мама думает, что мы сидим уроки делаем. А я уже через пять – десять минут на пустыре. Здесь всегда найдёшь, с кем мячик погонять. В командах постоянно не хватает игроков – пожалуйста, пристраивайся к любой.

Сегодня я тоже собирался улизнуть. Но только было раскрыл рот, чтобы кликнуть Арифа, позвала мама:

– Хашим, ты покормил кур?

Это я ещё утром должен был сделать. Совсем выскочило из головы.

– А? – сказал я, чтобы оттянуть время, и отступил назад. Надо подальше держаться, чтобы случайно подзатыльник не получить.

– Оглох, что ли? Я спрашиваю: куры кормлены?

– А чего их кормить, тунеядцев? Пусть сами себя кормят!

– О, горе моё, ты и не поил их?

– Да они никогда не пьют! Клюют только... Мама сорвала прут и кинулась ко мне. Я дал три круга по двору, потом выскочил за ворота.

– Всю неделю не поил, не кормил! – заорал я уже с улицы. – Не люблю их, потому что курица – не птица!

– Ну погоди, негодный мальчишка, я ещё тебе задам! – пообещала мама, размахивая прутом.

Ну и пусть задаст. Это ведь потом, а сейчас я на свободе. Но радости почему-то нет. Вчера я тоже кое-что натворил, но, на счастье, пронесло. Не наказали. А сегодня, пожалуй, здорово влетит...

Ну что бы вы отвечали, если к вам вечно приставали с одним и тем же вопросом: «Какую ты сегодня отметку получил, сынок?» Я лично не долго раздумываю:

– Пять, мамочка, пять!

– Молодец, сынок! Вот обрадовал маму! Можешь пойти погулять...

Но ведь какие они, взрослые, сами знаете. Сегодня добрые, а завтра нет. Вначале только спрашивают про отметки, а потом вдруг говорят: «Принеси-ка сюда дневник, сынок».

И тогда уж сердце останавливается, и не знаешь, что ответить.

– Дай-ка мне дневник, – сказала вчера мама.

– Дневник забрала учительница, – соврал я не задумываясь.

– Понятно. А ну дай сюда портфель. Что мне оставалось делать? Отдал.

– Это сколько? – ткнула мама пальцем в дневник, словно не узнавала цифру, стоявшую там. Не смешно разве? Она же имеет среднее образование!

– Ну, двойка...

– А это?

– Тройка. Видно ведь... Вчера получил.

– Негодный мальчишка! Почему же ты мне лгал? Но посудите сами, разве я лгал, когда говорил, что получил пятёрку? Ведь даже Донохон знает: если к двум прибавить три, получится пять.

Я попытался объяснить маме эту арифметику, но она и слушать не захотела.

– Вот как, значит! – сказала мама, оглядываясь по сторонам. Наверно, искала прут или кочергу – она и её уже раза два пускала в ход.

– Вот так, значит... – И, не дожидаясь, пока мама бросится ко мне, выскочил на улицу. Чего-чего, а уж по прыжкам в длину у меня честная пятёрка. Физкультуру я люблю.

И она всегда спасает меня.

Всё это было вчера. Но вот и сегодня не обошлось без неприятностей. Просто обидно. И жалко себя до слёз.

Из калитки высунулся носик любопытствующей сестрёнки.

– Принеси мой портфель, Донохон, – попросил я.

Пошёл к Ариффу. Мне даже неприятности не помеха.

– Его нет дома, – сказала мама моего друга. И надо же, чтобы именно сегодня не сиделось дома большеголовому! Ведь по трём предметам на дом уроки задали. Ну погоди, Арифчик, дождёшься у меня – рад не будешь!

В школе ещё никого не было. На дверях мастерской висел замок, на баскетбольной площадке возилась малышня. Возле учительской стоял велосипед Атаджана Азизовича, нашего директора. «Нет худа без добра!» – подумал я. Давно собирался написать заявление директору. Сейчас, значит, самое время.

Зашёл в пустой класс и сел за работу.

Директору школы

имени А. С. Пушкина

тов. Азизову.

Трудно нам стало в последнее время, товарищ директор. На дом задают очень много. Не остаётся ни минуточки времени, чтобы помочь родителям по хозяйству. Нельзя ли освободить нас от уроков алгебры, геометрии и родного языка. Эти предметы очень трудные и только мозги засоряют. Вместо них лучше ввести уроки по футболу. Учителем можно взять бамбардира команды «Пахтакор» Геннадия Красницкого. Если вы не откажете в нашей просьбе, мы обещаем быть дисциплинированными и учиться только на пятёрки.

От имени группы учеников

Я перечитал написанное. Сильно получилось. Только вот боязно нести Атаджану Азизовичу. Вдруг рассердится?

Долго сидел я, не зная, как поступить. Потом решил:

«Была не была». Закрыл глаза и ввалился в приёмную. Секретарша встала мне навстречу:

– Ты куда, мальчик?

Я рванул на себя дверь. И вот она, директорская.

– В чём дело, Кузыев?

– Здравствуйте...

– Ну, здравствуй...

... Заявление моё Атаджану Азизовичу, конечно, не понравилось. Во-первых, стыдил за ошибки и целый час внушал мне, как важны предметы, которые я предлагаю снять. Он говорил и о том, что человек, который не овладеет ими, не станет ни учителем, ни агрономом, ни инженером.

– И вообще, – сказал директор, – человек без знаний, особенно в наш век, – это нуль, пустое место.

– Неправда, – возразил я. – Вот дядюшка Анарбай нигде не учился, а работает агрономом.

– Да, но когда он хотел учиться, нагрянула война. Анарбай-ака отложил учебники и взял в руки автомат, чтобы защитить нашу страну от фашистов. Кроме того, он всю жизнь выращивал хлопок. Опыт – это тоже своего рода знания...

Директор говорил и говорил.

«Лучше каждый день по башке кочергой получать, чем зубрить ненавистную алгебру!» – мысленно твердил я своё.

Атаджан Азизович откинулся на спинку стула, вытер платком лоб и шею. Потом выпил два стакана воды и сказал:

– Можешь идти, Кузыев!

А неприятности продолжались. На первом же уроке я схватил двойку по алгебре! А ведь так старался, чтобы учитель меня не заметил, так старался... Даже под парту спрятался, а Кабулов, учитель математики, тут как тут.

– А ну, сядь как следует, Кузыев! Я сел. Но учитель не унимается:

– Скажи-ка, Хашим, что мы проходили на прошлом уроке?

Видите, здесь меня зовут не Хашимджаном, а просто, без всякого уважения – Хашимом. И почему это именно у меня надо спрашивать, что проходили на прошлом уроке? В классе тридцать человек, можно бы спросить у любого другого.

Я тихонечко толкнул Арифа. Но он сделал вид, будто и не заметил этого.

– Мы тебя слушаем, Кузыев, – снова, уже нетерпеливо, сказал учитель.

Я со всей силой ударил Арифа локтем в бок. Он громко икнул и забормотал. Я стал повторять за ним.

– Вчера проходили ранние значки и равенния... Класс так и грохнул от смеха. Поглядел я на ребят, давай и сам хохотать. Оказывается, вместо «равнозначных уравнений» я ляпнул чёрт знает что.

– Ясно, Кузыев. Садись, – сказал учитель и добавил: – Двойка!

Уж коли не повезёт, так не повезёт. И мама ругает, и директор, и Кабулов двойки ставит. Лучше бы вовсе не родиться, чем так мучиться...

Арифа я догнал под чинарой, что растёт около чайханы.

Сейчас узнает, как подводить друзей.

– Эй, подожди-ка! – крикнул я, подбегая к нему.

– Чего тебе? – отозвался Ариф.

– Хочу спросить, зачем ты бил моего щенка.

– Какого ещё щенка? У тебя же нет щенка!

– Моего щенка, который теперь собакой стал.

– Когда я его бил?

– В прошлом году. Во-от так двинул ему по башке! – И я показал, как он это сделал.

Тюбетейка Арифа отлетела далеко в сторону. Но он не побежал за ней, как раньше, а подскочил ко мне и тоже заехал по уху. Потом я ему дал, потом – он мне, ну и пошло! Подбежали ребята. Одни вступились за Арифа, другие – за меня. С полчаса мы кувыркались. Вывалялись в пыли, изодрали рубашки, разбили друг другу носы. Мне тоже здорово досталось. Но я был

рад, что проучил предателя. Не будет больше один все пятёрки загребать. И пусть товарищей в беде не бросает, а по-честному делится знаниями, которыми набита его голова.

Я весело топал по пыльной улочке и пел песенку «Пусть всегда будет солнце». А сам думал: «Вот сейчас приду домой, поем жирного плова – до чего же мама вкусно его готовит! – включу телевизор и прилягу на тахте. Буду смотреть матч сборная СССР – Бразилия. Чем плоха жизнь?!» На калитку изнутри была наброшена цепочка. Обычно я просовываю руку и сбрасываю её. Сегодня это не вышло: сверх цепочки ещё висел замок. Дела-а!..

Я заглянул в щель. За калиткой притаилась мама. В руке она держала кочергу, как саблю. Я отскочил на безопасное расстояние. Мама отворила калитку и, ещё не глянув на меня, горестно спросила:

– Опять подрался, негодник?

– Кто подрался, мамочка? Я ни с кем не дрался.

– И лжёшь к тому же! Кто Арифа избил? Разве не ты?

– Да нет же, мамочка! Он сам поколотил меня, вот... – Я задрал штанину, чтобы показать ссадину на колене. Но мама и бровью не повела.

– Уроки не готовишь, по хозяйству не помогаешь, сёстрам жить не даёшь... – начала она перечислять все мои грехи. Потом умолкла, но через минуту вдруг спросила: – Может, забрать тебя из школы и разом со всем покончить?

Я даже испугаться не успел.

– Убирайся вон, чтобы глаза мои тебя не видали! – крикнула мама, взмахнув кочергой. – Чтоб духа твоего здесь не было!

Я, конечно, быстренько убрался. Калитка с грохотом захлопнулась. Опять очутился на улице. Куда же мне теперь деваться, кто меня пожалеет? А в животе будто целый пионерский отряд в горны трубит. Да тут ещё со двора так вкусно пахнет пловом...

Над домом нависла тревожная тишина. Туда не стоит заходить.

Лучше на улице чем-нибудь заняться, а то этот щекочущий запах плова может человека с ума свести...

Чудеса начинаются

Вообще мама правильно сделала, что выгнала меня из дома. Давно я собирался крепко взяться за одно дело. Да всё некогда было. А сейчас оказался на улице голодный, одинокий, никому не нужный и сразу вспомнил сказку про волшебную шапочку. Её мне рассказывала бабушка, когда гостила у нас в прошлом году. Вот эта сказка.

Жил-был на свете пастушок. Всё у него шиворот-навыворот получалось. Невезучий был, как я. Все считали его дураком, за человека не принимали. Один злодей даже у него невесту отобрал. И падишах над ним здорово издевался.

Мучился парень, мучился, а потом – бац! – нашёл красивую шапочку из белой шерсти, с узорами по краям. И оказалась эта шапочка не простой, а волшебной. Она помогла парню отбить у злодея невесту, отомстить царю и сделать ещё кучу добрых дел.

– Эх, займешь бы и мне такую шапочку... – вздохнул я, прослушав сказку.

– А ты поищи её, внучек, поищи! – сказала бабушка, погладив мне голову. – Говорят, долго и счастливо жил тот юноша на белом свете. А перед смертью спрятал волшебную шапочку и наказал ей помогать людям.

– А не говорят, где он её спрятал? – спросил я не без ехидства.

Я же знал: что бывает в сказках, в жизни не случается.

– Говорят, – ответила бабушка убеждённо. – Где-то в этих окрестностях она спрятана. Аллах её знает, может, даже в вашем кишлаке захоронена. И ждёт небось не дожждётся своего милого хозяина...

«Хозяином волшебной шапочки должен быть Хашимджан Кузыев», – сказал я себе. И стал искать. Поначалу проверил головные уборы всех жителей кишлака. Оказалось, что почти у всех тюбетейки, у тракториста Ибраима Качи – кепка, у рисовода Анатолия Кима – соломенная шляпа, и только пастух Далбулбай Джулбулбай носит шапку. Но она вовсе не из шерсти, а из лисьей шкуры. И называется малахаем.

Потом я перекопал весь пустырь, что за садом головастика Ариффа. Может, положили шапочку в шкатулку и зарыли как клад?

На пустыре ничего не было. Я даже кур обрадовал – навозную кучу у фермы расковырял. И всё зря.

Но теперь я знал, где надо искать мою волшебную шапочку. Всякие сокровища и, конечно, волшебные вещи прячут обычно в какой-нибудь старой, заброшенной лачуге, которую даже одичалые коты стороной обходят. Про это можно прочесть в любой книжке. А такая лачуга в нашем кишлаке есть. Недалеко от пустыря, где мы мячи гоняем.

Итак, буду искать волшебную шапочку. Но сначала надо раздобыть еду.

Спрятав портфель в траве у арыка, я забежал к соседке.

– Ты чего так поздно, Хашимджан?

– Мама просила занять у вас две лепёшки до завтра.

– Пожалуйста, сынок, пожалуйста... Уложил ещё горячие лепёшки в портфель – и ноги в руки. Лачуга стояла совсем одиноко. Мрачная, она зловеще смотрела на меня оконцами, похожими на тёмные глазницы скелета. Человек я не трусливый, но всё же сюда надо было прийти днём. А то ведь, пока я ходил как привязанный вокруг дома, нюхал запах плова да сообразил наконец, как добыть лепёшки, солнце село и на кишлак Опустились сумерки.

Я осторожно подкрался к окошку и вполз в хижину. Темнотища – глаз выколи. А тут ещё кто-то навстречу мне кинулся: похоже, волк! Я закричал и со страху двинул сумкой. Волк взвизгнул и выскочил в окно. И тут я узнал его: это был одноухий пёс мельника Шергазы Хромого. Если здесь скрывается самая трусливая собака кишлака, значит, бояться мне нечего. Надо приниматься за дело.

Я перебрал весь мусор на полу, обшарил трещины в стенах, разрыл ногтями мышинные норы. Ничего. Зря, видать, ищу эту волшебную шапку. Её, наверное, никогда и не было.

Сел на пол у окна, где посветлее, достал лепёшку. Она вкусно пахла – тесто, видать, замешивали на молоке. Чиркнул спичкой, и – о чудо! – прямо передо мной, на противоположной стене, зияла дверь. Как же я её не заметил?! А может, раньше её не было? Ведь я светил спичками и обшарил все стены. Уже не шапочка ли мне помогает?! Открыл дверь, зажёл спичку. Ого, вот это богатство – целый ворох всякого тряпья! Уж где ей запрятаться, волшебной шапочке, как не в этой куче утильсырья?!

Разные лоскутки, старый брезентовый сапог, сито, расплющенный алюминиевый таз, галоша, дохлая крыса, черепки разбитого фарфорового чайника, рукав чапана, шапка... Новенькая шапка из белой шерсти с красивым узором по краям, вышитым шёлковыми нитками. Неужели это она, моя волшебная шапочка?

– Да, это я! – раздался вдруг тоненький голосочек. – Здравствуй, Хашимджан!

– Здравствуй, моя шапочка, – прошептал я, дрожа от счастья. – Я тебя так долго искал...

– Я тоже очень долго ждала тебя, Хашимджан...

– Правда, что ты волшебная?

– Правда, Хашимджан, правда. Как только ты захочешь, могу построить дворец, сделать тебя падишахом... Молви только присказку: «Наверху небо, внизу земля, исполни моё желание, шапочка моя!»

– Ну уж в падишахи мне ни к чему, – хихикнул я. – Мне бы чего попроще, чтобы неприятностей поменьше было.

– Это очень легко, Хашимджан. Станешь невидимкой, и никто тебе худого не сможет сделать.

– Вот здорово! Сделай меня невидимкой, шапочка!

– А присказка? Ты про неё не забывай. Надень меня и хотя бы про себя произнеси присказку.

– Ладно. – Я надел волшебную шапочку и сказал: – Наверху небо, внизу земля, исполни моё желание, шапочка моя!

Потом побежал домой.

Заплаканная мама что-то строчила на швейной машинке, Айша готовила уроки.

– Мама! – позвал я тихонько.

Мама встрепелась, оглядела комнату, чутко прислушиваясь. Потом покачала головой и тяжело вздохнула:

– Видать, слышалось...

Я сел к столу, придвинул к себе миску с остывшим пловом.

– И куда мог деться твой брат? – сказала мама, кинув жалобный взгляд на Айшу.

А та даже головы не подняла от своих тетрадок. Пожала плечами и промычала:

– Не зна-аю...

«Ну подожди, примерная ученица! – подумал я. – Так-то ты любишь родного брата? Он страдает, мучается, а тебе нипочём, да?!»

– Ночь на дворе, а он не евши после школы, – сказала мама и заплакала.

– Сами виноваты, – буркнула примерная школьница Айшахон. – Не гнать его надо было, а только наказать. Ничего с ним не случится, сейчас придёт.

– Придёт, говоришь... – прошептала мама, утирая слёзы.

И что тут произошло, не понимаю: из глаз моих брызнули слёзы. Потом кашель напал. Рис, что ли, застрял в горле...

– Айшахон, ты слышишь, доченька? – вскочила мама с места. – Вроде кто-то кашляет, а?

Проклятый кашель! Чтобы сдержать его, я даже рот зажал. Куда там, хуже стало – икать начал.

– Слышишь, доченька, слышишь?..

Вы бы видели лицо моей Айшахон! Сгребла в охапку тетради и учебники, словно их могли утащить, и озирается по сторонам.

– Слышу... – прошептала она изумлённо. – Товба! Вроде это наш Хашим. Но где же он?!

Вот так-то, примерная ученица! Выходит, шапочка моя и в самом деле волшебная!

Я подошёл к холодильнику и, осторожно открыв дверцу, сдёнул с головы шапку.

Мама и Айшахон так и присели.

– Ты откуда появился? – вскричали они разом.

– Из холодильника. Там сидел... Бедная мама пристально посмотрела на меня и, кажется, поверила.

– Да ты весь оледенел, мой мальчик, – запричитала она. – И глаза у тебя красные... Плакал небось, бедняжка, переживал, что мама выгнала из дома!

Уложила она меня в постель, укутала несколькими ватными одеялами, заставила проглотить таблетки и напоила горячим чаем.

А я лежу постанываю: не стану же раскрывать свою тайну. Только пикни – шапочки как не бывало! Отберут. Или прикажут в сельсовет отнести, сдать. Лучше уж притвориться, будто и в самом деле из холодильника вылез.

Постонал я немного, постонал, потом закрыл глаза и уснул, крепко прижимая к груди волшебную шапочку.

Дела мои пошли – просто блеск. Вот, значит, какое оно, счастье! Ничего не делаю, хожу песенки распеваю, а получаю одни пятёрки. И главное, никого не упрашиваю дать списать домашнее задание. Надеваю волшебную шапочку, захожу в дом учителя, сажусь за письменный стол и списываю всё с готовеньких конспектов. А чтобы об этом никто не догадался, нарочно делаю одну-две ошибки или сажаю в тетрадь красивую кляксу.

Труднее оказалось с устными предметами. Ведь тут надо выйти к доске и отвечать по памяти. Но я и здесь нашёл выход. Попросил волшебную шапочку читать мне ответы по учебникам. Она вначале плохо справлялась, но потом привыкла.

Вы бы видели, как меня стали уважать! Зовут только Хашимджаном, всем в пример ставят: «Тебе не стыдно, Ариф, получать четвёрки, когда Кузыев и то учится на одни пятёрки!» Ребята в классе решили сместить старосту и вместо него избрать меня. Мама специально к папе в Мирзачуль съездила, чтобы порадовать его моими успехами. А Айшахон сама стала всё за меня делать. «Тебе, наверно, братец, тяжело отлично учиться и по хозяйству помогать. Дай лучше я поработаю», – говорила она.

Всё шло отлично. Пока я сам дела не испортил. Допустил ошибку. И очень глупую. Слава моя мигом рухнула. Начисто опозорился. На всю школу.

И поделом мне. Нечего было спешить. До конца четверти оставалось больше двух недель. А тут мне в руки попался классный журнал. Как будто что-то толкнуло меня изнутри: взял да вывел себе и дружку Касыму пятёрки за четверть. По семи предметам. Понадеялся, что никто не заметит.

Первым шум поднял, конечно, Кабулов. К нему присоединился учитель родного языка. А потом, ясное дело, всё закружилось каруселью:

«Вы слышали, Кузыев-то, оказывается, сам себе пятёрки ставил! Вот тебе и отличник!» Тотчас вызвали к директору. Захожу в кабинет, а там сидят все семь учителей. В углу стоит Касым, красный, потный, перепачканный чернилами. Носки ботинок разглядывает.

– Подойди-ка, Хашимджан, сюда, – сказал Атаджан Азизович и ткнул пальцем в журнал: – Кто поставил вам эти отметки?

Я сделал удивлённое лицо и пожал плечами.

– Не знаю...

– Ага, – сказал директор. – И Касымджан тоже не знает. Прекрасно!

– Ничего не знаю! – вскричал Касымчик, чуть не плача. – Никаких отметок я себе не ставил!

– Это вы сделали вдвоём, – сказал учитель физики. – Уж лучше признайтесь...

– Вы неправы, – возразил кто-то из учителей. – Неправы, что хотите обвинить в этом проступке и Хашимджана Кузыева. Следует учесть, что он в последнее время очень подтянулся: учится отлично, дисциплина хорошая. Зачем ему делать такое? У него и так в четверти были бы почти одни четвёрки и пятёрки.

– Это верно. Кузыев очень изменился к лучшему.

Учителя разом повернулись к Касыму и в один голос заговорили:

– Зачем ты это сделал?

– Как тебе не стыдно, Касым!

– Хочешь получать пятёрки – занимайся побольше.

Где же это видано такое творить? Стыдно, ох, как стыдно!..

– Своим поступком ты и товарища подвёл, Касым!

– Я... я... – начал Касым и заплакал. Бедный Касымджан! Я натворил, а отвечать приходится ему.

Я решительно выступил вперёд и твёрдо сказал:

– Простите меня, Атаджан Азизович. Пятёрки поставил я. Касымджан про это даже не знал.

– Что-о? – вскричали все хором. – Ты?

– Да, я. Касым тут ни при чём... Все встали и окружили меня. И пошло, и пошло... Говорили, что своим поведением я позорю папу, передового механизатора, и маму, знатную доярку. Тяну назад показатели родной школы. Говорили, что если буду плохо учиться, то не смогу стать ни инженером, ни агрономом, ни зоотехником.

– Неправда, я обязательно стану инженером, – обозлился я.

– Никак не сможешь, поверь нам, Кузыев!

– Не инженером, так зоотехником буду!

– Без знаний тебя не только в зоотехники, пастухом не возьмут.

– Возьмут, ещё как возьмут! Лишь бы я сам этого захотел.

Пусть не думают, что Хашимджан Кузыев может так легко сдаться. Я ещё своё докажу.

У меня есть моя бесценная шапочка. И пока она моя, я могу не учиться, могу ничего не знать, но если захочу – стану кем угодно. Пусть запомнят это мои дорогие учителя. Хашимджан Кузыев ещё перевернёт горы, высушит моря, добьётся всемирной славы!

Я не стал ждать. В ту же ночь собрался в путь-дорогу – пока мама не узнала, что я натворил в школе.

Прощай, мой дорогой кишлак! Прощай, голубая речка, прыгающая с камня на камень! Прощайте, тенистые фруктовые сады! Ваш верный друг покидает вас. И надолго. Он уже не будет ломать ваши ветки, вбивать гвозди в ваши гладкие стволы...

Прости меня, дорогая мамочка! Я тебя очень часто волновал, огорчал, а теперь вот надолго покидаю. Прости, мама...

Счастливо вам оставаться, мои кудрявые сестрёночки!

Иногда я вас колотил, таскал за косы, иногда смешил, дурачась, и часто защищал, когда вас обижали озорные мальчишки. Теперь вы остаётесь без брата-заступника. Очень плохо, что есть ещё на свете озорные мальчишки. Если вы соскучитесь по мне, сестры, гляньте на мой портрет. Только не плачьте. Ваш брат ещё вернётся. Тогда все будут восхищаться им. А вы будете гордиться. Учителя тоже будут гордиться, хотя они сегодня не поверили мне. Но я им прощаю.

И вы простите мне, нерешённые мои задачки, ненаписанные упражнения, непрочитанные книги! Вас, признаться, мне не очень-то жалко, но вот я иду, иду в полночь по спящему, тихому кишлаку, и почему-то глаза мои полны слёз...

Где-то одиноко воеет собака. Она будто тоскует оттого, что в кишлаке теперь не будет весёлого Хашимджана Кузыева.

Высоко в небе плывёт полная луна. Она ласково освещает мне дорогу и словно хочет пожелать счастливого пути...

Улыбнулось было счастье

Из-за синеющих вдали гор показался оранжевый бок солнца.

Я не знаю, куда иду. Ещё не знаю, что буду делать дальше. Иду себе, и всё. Никаких забот. А беспокоиться нечего. Ведь со мной волшебная шапочка! С ней не пропаду. Еда нужна – пожалуйста! Ноги устанут – заберусь в автобус, и никто меня не ссадит. Потому что я могу стать невидимым.

– Скажи, моя шапочка, где мы сейчас находимся?

– Не знаю, Хашимджан. Сама теряюсь в догадках.

– Скажи мне, шапочка, смогу ли я стать агрономом?

– Конечно, сможешь, Хашимджан. Только пожелай.

– Но ведь я бросил школу и, уж конечно, в институт никогда не попаду. А без диплома разве бывает агроном?

– Не печалься, Хашимджан! Вспомни присказку. Вот так. А теперь опусти руку в карман...

Чудеса! Опускаю руку в карман и вытаскиваю книжку в синем переплёте.

Вот так. А теперь опусти руку в карман...

Чудеса! Опускаю руку в карман и вытаскиваю книжку в синем переплёте. В ней записи чёрными чернилами: «ДИПЛОМ. ВЫДАН ХАШИМДЖАНУ... СПЕЦИАЛЬНОСТЬ – АГРОНОМ». Вот чудеса!

– Спасибо, моя шапочка! Но разве бывает диплом без печати?

– Без печати? Какой ещё печати?

– Ну, такой... круглой печати.

– А ты посмотри, Хашимджан, на диплом... И правда, в самом низу чернильный круг и в середине его написано: «ПЕЧАТЬ».

– Вот здорово! Да, но я ведь маленького роста. Скажут, мальчишка – и прогонят. Даже на диплом не посмотрят.

– Не беспокойся, Хашимджан. Когда нужно будет, я позабочусь, чтобы тебя не принимали за маленького.

Тутовые деревья, росшие по краям дороги, остались позади. Зелёные поля исчезли. Вместо них появились сухие колючие кусты, торчащие на белых от соли пригорках. Пустыня. Голая пустыня. Глядишь на неё, и глаза слезятся. Ни конца ни края не видать. В застывшем раскалённом небе парят какие-то чёрные птицы. Иногда перебежит дорогу длиннохвостая ящерица или из-под ног выскочит суслик. Выскочит и выпучит удивлённые глаза: куда это, мол, человек идёт? Ведь кругом пустыня!

– Шапочка моя, а шапочка, куда мы идём?

– Сама не знаю, Хашимджан. Но ты не беспокойся. Дорога есть, значит, куда-нибудь выйдем.

И правда, скоро всё изменилось. Ящерицы и чёрные птицы отстали. Исчезли и колючие кустарники. Впереди засинели густые сады, а слева и справа пошли хлопковые поля.

– Шапочка, а шапочка, куда это мы попали? Пустыня – и вдруг сады! Не ты ли создала их здесь?

– Что ты, Хашимджан! Сама удивляюсь!

Я свернул в первый же сад и отведал спелых, сочных персиков. Попробовал и яблок.

Где-то рядом тарахтели тракторы, перекликались люди.

Я перепрыгнул через арык и вышел на зелёную полянку. К ней примыкало хлопковое поле, разбитое на мелкие участки. На каждом из них возилось по несколько ребят. Я подошёл к ближайшему участку. Какой-то мальчишка с остервенением рвал кустики сорняков.

– Эй, не уставать тебе, дружок! – сказал я.

– Иди своей дорогой, не мешай нам! – ответил парнишка, не подымая головы.

– Эх, ты-ы... невежа. К тебе с добром, а ты...

Мальчик поднял голову и покраснел от стыда. – Простите... извините... – забормотал он, вытирая пот со лба. – Я принял вас за нашего бездельника Шавката...

– Ничего, товарищ, ничего, бывает, – смирился я, увидев, как он смутился. Потом осторожно спросил: – Не скажешь, в какой стране мы находимся?

– Что, что?

– Я спрашиваю, как называется эта страна?

– Это не страна, а Голодная степь.

– Голодная степь? Что за Голодная степь?.. Которая в газетах?..

– Почему это – в газетах? Голодная степь в Голодной степи, и всё тут. Узбекистанская целина.

– А что вы здесь делаете на поле?

– Сорняки уничтожаем.

– Л чей это хлопчатник?

– Наш.

– Так уж и ваш! Ври, да не завирайся. Мальчишка удивлённо поглядел на меня и ничего не ответил.

– А как называется ваш колхоз? – не унимался я. Мальчик выдернул несколько кустиков сорняка с таким видом, будто кому-то отрывал уши. Потом крикнул:

– Гляди! Вот это поле, – он обвёл рукой вокруг, – засеяли мы сами. Шестеро ребят. Сами вспахали, сами обрабатываем и сами будем убирать урожай. Всего здесь десять гектаров земли.

– Ясно. А агроном вам не нужен? Я бы...

– Нет, не нужен, – решительно покачал головой мальчик.

– Мы сами – будущие агрономы.

Этот человечек, оказывается, не только грубиян, но и большой хвастунишка.

«Сами» да «сами»! Подумаешь, какой герой! Сорняки рвать всякий дурак сможет. А вот есть ли у тебя диплом агронома? То-то и оно, что нет!

Я молча пошёл дальше и вскоре наткнулся на поле, сплошь усеянное рыжими дынями и полосатыми арбузами. А невдалеке зеленели грядки с луком и помидорами. Вот помидоры так помидоры: каждая с мою голову!

Я прошёл через виноградник (по пути попробовал двадцать два сорта винограда!) и вышел к какой-то загороженной деревянным забором площади. За забором кудахтали и кукарекали сотни белых кур и петухов. Кругленькая, как тыква, девчонка кидала им из плетёной корзиночки зерно и сладким голосом пела:

– Тю-тю-тю!

Ишь ты, растютюкалась! Не любит, видать, яйца – раздобрела-то как!

– Эй, девочка, чьи это куры?

Девочка молча вынула из кармана варёное яйцо, очистила его, сунула в рот и только потом обернулась ко мне:

– Наши... Чьи же ещё?

– А куда ты яйца деваешь? – решил я съязвить.

– В школу сдаю. Ребятам на завтраки.

– Гм-м... А всем ребятам достаётся? Даже двоечникам?

– У нас таких нет и не будет.

– А вдруг появятся, тогда что?

– Послушай, иди-ка ты своей дорогой, болтун, – махнула рукой Тыквоподобная и сунула в рот ещё одно яйцо. – Ты мне всех кур распугаешь...

– Послушай, девочка, – сказал я, стараясь быть как можно вежливее. – А зоотехник вам не нужен?

– Зачем он нам?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.